

ГАСТОН ЛЕРУ

---

*ЧЕЛОВЕК,
ВЕРНУВШИЙСЯ ИЗДАЛЕКА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
Л49

Серия «Эксклюзивная классика»

Gaston Leroux

L'HOMME QUI REVIENT DE LOIN

Перевод с французского *Е. Морозовой*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Леру, Гастон.

Л49 Человек, вернувшийся издалека : [роман] / Гастон Леру ; [перевод с французского Е. Морозовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-161437-9

Андре де Лабосьер, богатый вдовец и промышленник, спешно уезжает в Бордо, доверив двух маленьких детей, роскошный замок Ла Розрэ и управление фабрикой своему брату Жаку и его жене Фанни. Пять лет от него не было никаких вестей, пока однажды, во время званого ужина в Ла Розрэ, группа гостей, увлекающихся спиритизмом, не решает провести сеанс, во время которого к ним является дух Андре и сообщает, что был убит... Жак и Фанни думают, что это чья-то глупая шутка. Но как объяснить загадочное исчезновение Андре? И откуда призраку известны обстоятельства его гибели?

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-161437-9

© Перевод. Е. Морозова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

I

Жак и Фанни

В сопровождении слуги, который нес его клюшки для гольфа, Жак де Лабосьер, торжествуя, возвращался в замок. Сегодня он не участвовал в игре, а потому не мог похвастаться хорошими результатами, зато какой успех имело его новое поле для гольфа!

Конечно, обошлось оно ему не дешево: Жак не пожалел нескольких арпанов¹ леса Сенар, составлявшего часть поместья. И распоряжался он этим поместьем так, словно оно принадлежало именно ему, чувствуя себя настоящим хозяином, Жак всячески его обустроивал, и никакие расходы его не останавливали.

Жак был в самом расцвете сил. Пребывая в прекрасном настроении, он потрепал по холке двух великолепных гончих, чемпионов по курсингу², ко-

---

¹ А р п а н — старинная французская единица измерения длины, равнявшаяся 180 парижским футам, то есть примерно 58,52 м. — *Прим. ред.*

² К у р с и н г — полевые испытания с приманкой, имитирующие преследование и поимку зверя в поле, позволяющие собакам демонстрировать свои рабочие качества. — *Здесь и далее, кроме особо обговоренных случаев, прим. пер.*

торых слуга после тренировки отводил на псарню, потом легкой походкой пересек вестибюль, взбежал по величественной лестнице на второй этаж — там располагались жилые комнаты — и постучал в дверь будуара, где «мадам» находилась со своей горничной.

— Не входить! — тотчас раздался мелодичный юный голос, в котором слышались нотки английского акцента.

— Вы же знаете, супруги Сен-Фирмен уже прибыли! — ответил Жак.

— Не может такого быть! — послышался певучий голос. — Неужели старик-нотариус собственной персоной!..

— И его молодая жена! — продолжал Жак. — Красавица Марта так изменилась! Впрочем, дорогая Фанни, сейчас вы сами увидите... Этим вечером они ужинают у нас!..

После известия о том, что среди великосветских персон, постоянных гостей в замке Ла Розрэ, будут простые люди: нотариус с супругой, дверь незамедлительно отворилась.

— Ну что ты пристал, *darling*?¹ — спросила Фанни, привлекая к себе супруга.

Красавица Фанни, милая и обаятельная рыжеволосая жена Жака, радостно улыбалась и смотрела на него с невероятным изумлением; в эту минуту она выглядела на удивление забавно: левый глаз прикрывала огненная прядь, а личико молочно-белого

---

¹ Любимый (англ.). — Прим. ред.

цвета и лебединая шея, выглядывающая из наспех накинутаго пеньюара, придавали ей неизъяснимое очарование...

— *My dear! My dear!*¹

Фанни, исконной француженке, очень хотелось казаться англичанкой, что, впрочем, ее даже украшало. Опустившись на стул, она попросила Катрин, которая, судя по звукам, возилась рядом в гардеробе, на минуточку их оставить. Прелестная горничная, настоящая англичанка, в легких туфельках и коротком черном платье, строгость которого оживлял белый передник с кружевными оборками, вышла из комнаты.

Оставшись вдвоем, супруги какое-то время молчали, глядя друг на друга; похоже, им нравилось то, что они видели. Про супругов де Лабосьер говорили, что они прекрасная пара. Оба высокие, фигура Фанни как нельзя лучше подходила для танго, и когда Жак, являясь образцом истинного влюбленного, каким он никогда не переставал быть, обнимал ее за талию, они представляли собой чету, способную вдохновить скульптора, подыскивавшего сюжет для каминных часов.

Они ни от кого не скрывали, что счастливы и любят друг друга, а замок Ла Розрэ, казалось, был создан специально для них.

— Сен-Фирмен... Но каким ветром их занесло? — спросила молодая женщина.

---

¹ Мой дорогой! (англ.) — Прим. ред.

— Как знать, — улыбнулся Жак, — может, мне следует приписать их визит моим новым препятствиям?

Он намекал на ту часть земельного участка, отданного под гольф, на котором архитектору удалось расположить всевозможные виды препятствий.

— Когда тут жил Андре, Марта никогда не пропускала партию в гольф, — произнесла своим высоким и чистым голосом Фанни.

— Да, они были добрыми друзьями, — добавил Жак, не переставая любоваться женой, казавшейся очень взволнованной.

— Она говорила о нем?

— Ни слова! Но старик, после того, как одобрил все изменения, произведенные мною в замке и окрест, хотя я его об этом и не просил, нашел случай сказать мне с известной тебе улыбкой: «Когда вернется ваш брат Андре, замок уже не узнает!»

При этих словах Фанни даже подскочила:

— Чертов нотариус! — воскликнула она в ярости, отчего похорошела еще больше, ибо возмущалась она совершенно искренне. — Да чтоб им всем сдохнуть, дорогуша!.. Точно, они все окочурятся от зависти, все, слышите, все! *Indeed!*¹ Ах!.. Как бы они обрадовались, если бы Андре вернулся завтра!.. С каким удовольствием они бы все глазели, как мы отбываем обратно в Эрон!.. Да, конечно, мы вернем ему замок, непременно вернем!.. Но было бы очень

---

¹ В самом деле (англ.). — Прим. ред.

жаль, не правда ли, дорогой?.. Действительно, очень жаль... Такой прекрасный замок, такой удобный... Но вы, Джек, наверняка были бы счастливы вновь увидеть брата!

— Это правда! — серьезным голосом ответил Жак. — Я был бы счастлив, Фанни!

— И все же, дорогуша, вы должны привыкнуть к мысли, что он умер, ведь вы человек разумный!..

Она произнесла это почти злобно и с такой враждебностью, что Жак очень удивился.

— Что с вами? — спросил он, — И почему вы продолжаете настаивать на... на предположении, которое я всегда с ужасом отвергал?

— Вы просто сентиментальный *good fellow*!¹ — произнесла она ласково, — и таким вы мне нравитесь... Однако, разве я виновата, *darling*, что на протяжении пяти лет ваш брат ни разу не дал о себе знать? А ведь он любил своих детей... Бедная маленькая Жермена, бедненький малыш Франсуа, у них теперь нет другого папочки, кроме вас, *my love*², и нет другой маменьки, кроме меня, хотя, конечно, маменька из меня скверная!.. Ах, *darling*, вы любите и свою маленькую семью, и своего сыночка Жако, но вам безразлична ваша маленькая женушка, раз вы хотите, чтобы она лишилась всех прекрасных вещей, среди которых она так замечательно себя чувствует: прекрасного замка, чудесно-

---

¹ Славный малый (англ.). — Прим. ред.

² Любовь моя (англ.). — Прим. ред.

го парка, замечательных комнат, роскошной ванны и отлично оборудованной туалетной комнаты...

Скорчив рожицу обиженного *baby*¹, она не спеша поднялась со стула, привычным движением присела к нему на колени и, окутав мужа ароматом своих духов, начала проводить своими пальчиками за его ухом, перебирая шелковистые густые волосы — Жак был на седьмом небе от счастья.

— Теперь мы богаты, Фанни. И вы всегда будете прекрасны и счастливы... Даже если нам придется покинуть Ла Розрэ.

— Но мне нужен Ла Розрэ! Нам завидуют только потому, что у нас есть Ла Розрэ: это же настоящее королевское поместье, *darling*. Так что вы, дорогуша, ответили этому старикашке Сен-Фирмену, когда он заговорил с вами о возвращении брата?

— Я ему ответил: «Уверен, когда Андре обрадует меня своим возвращением, он похвалит меня за те улучшения, которые я привнес в Ла Розрэ, и будет рад процветанию завода в Эроне».

— Превосходно, дорогуша!.. — воскликнула она. — В самом деле, Андре не на что жаловаться. После его отъезда вы сумели придать оксиду тория максимальное свечение², и, если я не знаю ничего более прекрасного, чем замок Ла Розрэ, я не знаю и ничего более практичного, чем колпачки для га-

---

¹ Ребенок (англ.). — Прим. ред.

² Если ввести в пламя газовой горелки оксид тория, то он очень быстро нагревается до состояния белого каления и испускает яркий белый свет. — Прим. ред.

зовых ламп¹ Эрон — единственное изобретение, дамы и господа, способное посоперничать с самим солнцем!.. И луной, любовь моя!..

Смеясь, она обняла Жака и совсем не спеша повела его к окну. Из этого окна, расположенного в эркере правого крыла, открывался превосходный вид на стройный и величественный силуэт замка в стиле Людовика XIV, на стены с множеством окон со средниками, украшенными мраморными, с отпечатком времени, скульптурами мифологических существ, львиными головами и барельефами человеческих лиц. На четырех углах устремлялись ввысь высокие башни, придававшие всему архитектурному ансамблю несравненное величие.

Через рвы у подножия замка перекинулись каменные мостики, что вели к ухоженным лужайкам, великолепному розарию, в парк и рощу, в бескрайний лес, тронутый осенними красками и золотом закатного солнца.

— Мне кажется, дорогуша, что все это уже принадлежит нам! И я никогда не смогу покинуть это место!..

Жак обнял жену.

— Какой вы еще ребенок!

---

¹ «Ауэровский колпачок» (газокалильная сетка для газовых и керосиновых ламп) — миниатюрный чулок из ткани, пропитанной раствором азотнокислых солей тория и церия; после сгорания колпачка в пламени газа или керосина оставшаяся от него металлическая сетка состоит из 99% оксида тория и 1% оксида церия и дает калильный свет, в разы увеличивая яркость газового или керосинового света.

— Я больше не представляю себя в нашей квартире в Эроне, — встряхнула она рыжими кудрями.

— Однако там мы были счастливы, — промолвил Жак, — бесконечно счастливы. Мы вернулись из Сайгона, и Андре предложил нам в ней пожить!

— И как только можно быть счастливым, принимая подачку! — заявила она, возвращаясь к туалетному столику и нервно перебирая побрякушки, подчеркивающие ее красоту.

Он пожурил ее и напомнил об их прежней нужде. Они познакомились в Тонкине, там же и поженились. Она, дочь плантатора, чьи дела шли из рук вон плохо, воспитывалась весьма вольно и каждодневно посещала юных и очень состоятельных *misses*¹, что обострило ее горячее стремление к роскоши; он считался сказочно богатым, как и его брат, но на самом деле Жак промотал свое наследство, вложившись в каучуковое дело, и его буквально обобрали до нитки пираты Берега Слоновой Кости, поддерживаемые парижскими дельцами. Для поправления своих финансовых дел Жак, вооружившись кучей полезных рекомендаций, отправился в Тонкин, где немедленно влюбился в хорошенькую Фанни, и та отдала ему руку и сердце, полагая, что заключает отличную сделку.

Он так любил ее и так боялся потерять, что без колебаний решился на обман и солгал ей. Когда она

---

¹ Миссис (англ.). — Прим. ред.

узнала правду, разразился грандиозный скандал; но она уже принадлежала ему; у них только что родился ребенок, малыш Жако, и оба были еще очень малы! В конце концов, они привязались друг к другу, а потому с надеждой смотрели в будущее.

Пока же следовало жить и добывать средства к существованию. Андре, оставшись вдовцом с двумя детьми, написал: «Приезжай вместе с женой, в Эроне найдется место и для вас, а ты наверняка будешь мне полезен». И они приехали.

Семья де Лабосьер издавна дарила Франции честных судей и отважных воинов. Однако в нынешний век жизнь столь дорога, что, не имея дохода в несколько миллионов, ты считаешься бедным. Так что члены семьи без колебаний занялись торговлей и стали вкладываться в промышленность, что, в сущности, не менее почетно и более надежно, чем отправляться торговать своим честным именем в Америку, особенно если ты родился в почетном, но малоизвестном семействе Беарна.

Андре был старше Жака на десять лет, он успешно окончил Политехническую школу и тотчас попытался стать промышленником. Ему повезло встретить на своем пути бедного изобретателя, и он, честь по чести, лишил несчастного умельца авторства знаменитого колпачка Эрон, сетчатого колпачка газовой горелки, благодаря чему маленький семейный капиталец изрядно преумножился, а изобретатель и его семья в это время едва не умерли с голоду.

По сути, Андре не был плохим человеком, просто дела для него были превыше всего.

Он точно не был плохим: дети его обожали, он без колебания протянул руку помощи брату.

Так что раскаиваться ему не в чем. Желая приносить брату пользу, Жак с головой ушел в работу по производству сетчатых колпачков и достиг таких успехов, что его жалованье, составлявшее в первый год шесть тысяч франков, на второй год возросло до двенадцати тысяч. Но на третий год цифра осталась прежней, и похоже, молодой паре предстояло еще долго жить, довольствуясь жалкими пятьюдесятью луидорами в месяц, не случись удивительные события, затронувшие каждого как на заводе, так и в замке.

II

Неожиданный отъезд

Подкрашивая губы, Фанни вновь переживала тот памятный вечер, когда после ужина в столовой их маленькой квартирки в Эроне, в разгар досадных препирательств, во время которых супруги наговорили друг другу много горьких слов, внезапно появился Андре, и его приход отвлек разгоряченных собеседников от собственных несчастий.

Андре был смертельно бледен.

Она помнила все подробности, все сказанные тогда слова, абсолютно все!

Андре, как и Жак, отличался высоким ростом и казался для многих силачом. Но в тот вечер он

весь дрожал, а на его лице отражалось столь непомерное отчаяние, что без жалости на него было не взглянуть.

Увидев его в таком состоянии, и Жак, и Фанни в ужасе вскочили с места:

— Что случилось?

— Дело в том... в том...

Поначалу он не мог вымолвить ни слова и, рухнув на стул, сорвал с сорочки накладной воротничок, и тяжело задышал. Видя, что брат сильно взволнован, Андре похлопал его по плечу. Нет, он не болен...

— Ты откуда? Что случилось?..

— Ничего не случилось! Ничего... Я всего лишь вынужден уехать!

— Уехать? Надеюсь, ненадолго?

— Кто знает... В путешествие отправляюсь!

— В путешествие... И куда?..

— Мне в Америку надо ехать... по делам... это связано с заводом...

— Так чему ты удивляешься! Рано или поздно пришлось бы ехать.

— Мне даже страшно представить, что я уеду из замка, оставлю тут малышей... Ты должен меня понять! Не хочу расставаться с Жерменой и Франсуа...

— Давай я поеду вместо тебя? Если, конечно, это возможно, — предложил Жак.

— Нет, нет! Невозможно, — вздохнул Андре, — мне самому придется ехать...

— Тогда почему бы тебе не взять с собой детей?

— Я об этом думал... но сейчас не могу... не могу!.. Нет!.. Потом!.. Потом я тебе напишу, и ты привезешь их мне... через несколько месяцев...

— Через несколько месяцев?

— Не спрашивай меня больше ни о чем! Хватит! Позаботься о них, ладно?.. Люби их!

Он распахнул руки, и братья долго сжимали друг друга в объятиях.

— Я больше ничего не могу вам сказать, — нарушил Андре тишину, — только то, что сегодня вечером я еду в Париж, откуда утренним поездом отправлюсь в Бордо. А тебя, Жак, я оставляю управляющим всеми моими делами. Ты будешь исполнять обязанности патрона. Вы переберетесь жить в Ла Розрэ, и во всем меня замените!.. Вот бумаги, предоставляющие Жаку всю полноту власти и определяющие его долю в доходах. Все законно. Только что был у нотариуса!..

— Так ты вернулся из Жювизи?

— Да.

Ответ прозвучал сухо, словно Андре давал понять: никаких больше обсуждений, никаких объяснений. Фанни и Жак переглянулись и больше не вымолвили ни слова.

— Проверь эти бумаги, — снова сказал брат, — а я вернусь в замок. В четыре утра буду у вас. Подпишем наше соглашение, потом я возьму машину и поеду в Париж. Предупреди шофера.

Тяжело вздохнув, он встал и направился к двери. Только Андре скрылся за дверью, как Фанни

бросилась на шею мужу, не в силах скрыть охватившие ее радость и веселье, переходившие в иступленный восторг. В глубине души она ненавидела Андре и считала, что он специально не предоставил им места, равного своему собственному, хотя, по ее мнению, они это заслужили.

Он уезжает — как же им неожиданно повезло, наконец-то!

— Ах, дорогуша, дорогуша!

В ее речи снова появился британский акцент, который некоторое время назад пришлось забыть, поскольку они занимали весьма скромное место в обществе, а англomania была в чести исключительно среди высшего света.

Жак с трудом сумел успокоить жену:

— Подожди, дай ему хотя бы уехать!

Но как только они увидели в окне столовой, что Андре садится в свою двуколку, тут же бросились к бумагам и, пожирая их глазами, принялись читать и перечитывать... Треть всех доходов! Треть! Это же целое состояние! И все было верно... Все продумано, подготовлено и образцово составлено. Осталось только подписать... И Жак, торжествуя, поставил свой росчерк, в то время как Фанни нервно смеялась за его спиной...

— Надеюсь, дорогуша, — промолвила она, — что все в нашем распоряжении не на пару дней?

— Он сказал: «...На несколько месяцев...»

— А не кажется ли вам, дорогуша, что это больше напоминает завещание?